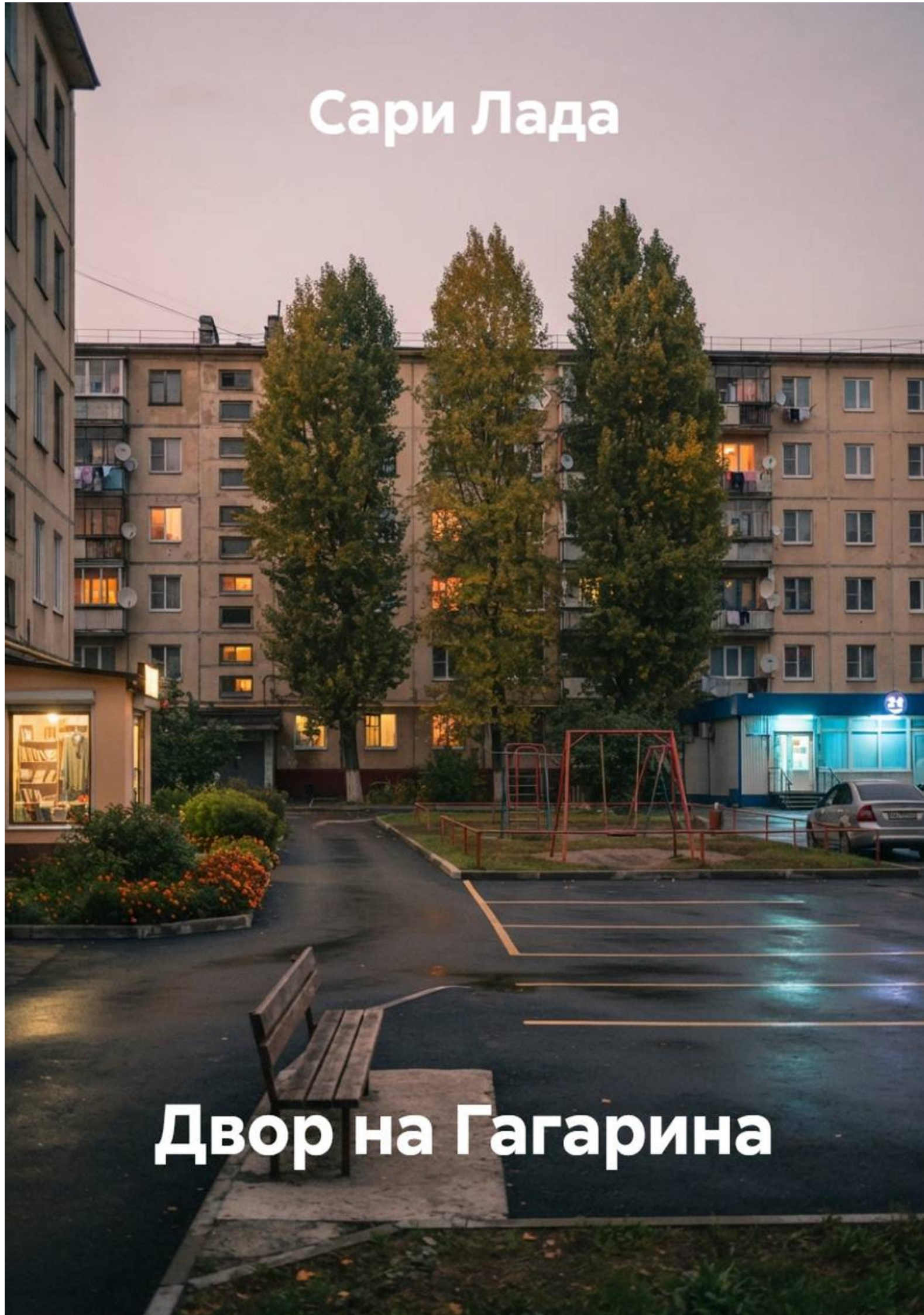

Сари Лада

Двор на Гагарина

Сари Лада

Двор на Гагарина

«Автор»

2026

Лада С.

Двор на Гагарина / С. Лада — «Автор», 2026

Есть такие дворы, где каждый вечер горит один и тот же свет — то ли из окон супермаркета, то ли из окна на третьем этаже, где кто-то в очередной раз наливает себе «просто чтобы отдохнуть». Знакомо? Тогда эта книга — про вас. Или про соседа. Или про того, кого вы давно перестали спрашивать, как у него дела. «Двор на Гагарина» — тёплая, живая история одного обычного двора и его совсем не идеальных, но очень настоящих жителей. Это книга про то, как медленно, спотыкаясь, срываясь и начиная заново, люди учатся не прятаться друг от друга и от себя.

© Лада С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Комиссионка Григория Ивановича	5
Глава вторая. Инфаркт Григория Ивановича	7
Глава третья. Баба Валя и Настя	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сари Лада

Двор на Гагарина

Глава первая. Комиссионка Григория Ивановича

Двор дома номер восемь по улице Гагарина был обычным двором обычного российского города: металлические качели, врытая в асфальт шина-клумба, три тополя, посаженные ещё при Хрущёве, и два торговых угла — с разных сторон двора, шагов за сто друг от друга.

С одной стороны — круглосуточный супермаркет сети «Огонёк», один из тех, что за последние двадцать лет выросли на каждом углу вместо прежних одиночных ларьков: холодильники с пивом на полстены, стойка с сигаретами за кассой, полка с шоколадками у самого выхода, а у входа — кофейный автомат и высокий столик, где изредка кто-нибудь останавливался взять кофе с собой перед работой.

С другой стороны — комиссионный магазин, который держал Григорий Иванович Рыбкин, человек невысокий, плотный, с руками, вечно пахнущими сигаретным дымом, хотя сам он не курил уже пятнадцать лет. Магазин был тесным, заставленным до потолка: старые серванты и торшеры, коробки с посудой, вешалки с одеждой, полки с книгами, детские коляски, гитары без струн — всё, что люди приносили сдать, когда переезжали, разводились или просто наводили порядок в квартире после чьей-нибудь смерти.

Григорий Иванович знал в лицо почти всех жильцов дома номер восемь и половину соседних. Он вместе со всеми стоял в очереди в «Огоньке» или проходил мимо него по двору сто раз на дню. Он знал, что Марина с третьего этажа берёт вино в среду и в пятницу. Знал, что Анатолий Петрович с первого, вдовец, заходит туда же по вечерам за чекушкой. Знал, что баба Валя из второго подъезда уже полгода не спускается сама — за хлебом для неё бегают внучка соседки или Настя, шестнадцатилетняя девчонка, которая иногда заходила к нему в магазин просто поболтать, разглядывая старые пластинки, ничего не покупая.

Григорий Иванович не считал себя плохим человеком. Он платил налоги исправно, соседям в долг давал, если просили, а по осени бесплатно раздавал детям на площадке старые игрушки, которые всё равно некуда было девать. Но иногда, ближе к ночи, когда двор пустел и в свете фонарей оставались только вывеска его комиссионки да яркие окна «Огонька» напротив, ему приходило в голову, что было время, когда он сам стоял на месте того супермаркета — за таким же прилавком, только вместо старых сервантов и пластинок продавал сигареты и водку, и неплохо на этом зарабатывал.

Сын Григория Ивановича, Стас, двадцати шести лет, работал у отца через день — принимал смены в магазине, когда отец уходил отдыхать. Стас пил, хотя старался не показывать этого отцу. Дважды в месяц у него случались вечера, когда он закрывал магазин раньше и уходил, а наутро приходил на работу с тяжёлым лицом и трясущимися руками. Отец делал вид, что не замечает. Это было проще для обоих.

История этого угла, если бы кто-то захотел покопаться, оказалась бы длиннее, чем можно подумать, глядя на скромную вывеску комиссионки. Ещё до революции здесь стояла лавка купца Одинцова. До того — по рассказам старожилов, передаваемым из уст в уста, — на этом самом месте, а может, чуть в стороне, была застава, где при Петре Первом начали продавать табак. Царь разрешил то, что раньше на Руси считалось грехом и не поощрялось. Так или иначе, что-то, помогающее людям притупиться, продавалось на этом углу очень давно, при разных властях, под разными вывесками. Григорий Иванович перестал продавать яд, а через дорогу продолжили — сеть с центральным офисом в другом городе, которой было всё равно, кто и сколько берёт.

По утрам, открывая магазин, Григорий Иванович часто видел у входа в «Огонёк» то, что оставалось там с ночи: смятые пачки из-под сигарет, пластиковые стаканчики из-под кофе, обёртки от снеков, иногда битое стекло от бутылки, разбитой кем-то на радостях в пятницу вечером. Кто-то из соседей аккуратно донёс бы мусор до урны в тридцати метрах. Кто-то — и таких было немало — просто оставлял всё там же, где закончил, будто урна и мусор не были связаны друг с другом.

Молодой парень, работавший у входа в «Огонёк» с тележкой кофе на вынос, разливал этот кофе в одноразовые стаканчики по три сотни в день и обычно не задумывался, куда потом деваются эти стаканчики. «А я тут при чём, — сказал он как-то Григорию Ивановичу, когда тот заметил вслух, что стаканчиков во дворе становится всё больше. — Я деньги плачу за место, за товар плачу. Дальше не моя забота». Григорий Иванович не стал спорить — не его было делом учить соседа — но мысль эта засела где-то рядом с той, другой, старой мыслью про его вывеску, которая пятнадцать лет назад изменилась.

Глава вторая. Инфаркт Григория Ивановича

Пятнадцать лет назад, когда Стасу было одиннадцать, а ларёк на углу Гагарина ещё держал не Григорий Иванович, а его отец, Иван Кузьмич, Григорий и сам курил по две пачки в день, стоя за тем же прилавком, продавая соседям то же самое, что продавал бы теперь его сын, если бы не то, что случилось дальше.

Инфаркт случился прямо на смене, в среду, около семи вечера. Григорий Иванович помнил это до сих пор в мельчайших деталях: как рука вдруг онемела, потянувшись за сдачей, как боль расплзлась по груди, как он всё-таки успел набрать номер скорой прежде, чем ноги подкосились и он осел на пол за прилавком, среди коробок с сигаретами.

Жена, Валентина — не путать с бабой Вале́й из второго подъезда, женщина тихая и терпеливая, — три недели не отходила от больничной койки, а когда он вернулся домой, поставила условие, которое сама для себя давно продумала: либо он бросает курить полностью и закрывает этот свой ларёк, либо она забирает Стаса и уезжает к сестре в область. Она произнесла это как факт, который решила для себя твёрдо, пока муж лежал в реанимации.

Как только его выписали, Григорий Иванович больше не курил. Было трудно, он срывался мысленно чуть не через день в первые полгода, дважды держал сигарету в руках, не прикуривая, но так и не поднёс спичку. Он понял ясно, что на кону стоит не абстрактное здоровье, а конкретная жена и конкретный сын, которых он чуть не оставил одних.

С ларьком оказалось сложнее. Продавать он так и не продолжил, но и просто закрыть, оставшись без дела и без денег, тоже не мог себе позволить. Кредит за квартиру, сын-школьник, жена. Пораскинув умом, он сдал старую мебель тестя на продажу знакомому, который держал комиссионку в соседнем районе, и получил за неё больше, чем ожидал. Через месяц решил: распродал остатки сигарет и водки оптом перекупщику, переоборудовал будку под приём вещей на комиссию — и открылся заново.

Первый год был тяжёлым — привычные покупатели первое время удивлённо заглядывали, но не находили ни пива, ни сигарет и уходили ни с чем в сторону нового супермаркета, который как раз в это время открывался через дорогу. Но постепенно у него появились свои клиенты.

Он часто задумывался с тех пор, что столько лет держал ларёк, продавая другим то же самое, от чего сам чуть не умер, и оправдывал это тем, что «люди сами решают, я не заставляю». Это было правдой и одновременно неполной правдой, и Григорий Иванович, человек не склонный к долгим философствованиям, всё же не мог отделаться от мысли, что за тем прилавком он был не нейтральной стороной, а был частью системы, которая устроена так, чтобы этот путь всегда был под рукой. То, что сам он из этой системы вышел, не значило, что она исчезла — она просто переехала через дорогу, стала больше и безличнее.

Валентина умерла пять лет назад. От рака, который не был связан ни с курением, ни с алкоголем. Нашёлся однажды на плановом осмотре и забрал её за девять месяцев. Григорий Иванович тогда впервые за долгие годы почувствовал искушение вернуться к сигарете. Он никогда особо не тянулся к спиртному, а именно закурить, чтобы хоть чем-то заглушить эти девять месяцев ожидания и потерю после них.

Он не закурил. Вместо этого стал больше времени проводить на кладбище, разговаривая с женой вслух, рассказывая ей, как дела у Стаса, как дела в магазине, будто она всё ещё могла его услышать. Может, поэтому, когда через год он заметил, как Анатолий Петрович молча ходит вечерами через двор в «Огонёк» за чекушкой, что-то в нём отозвалось узнаванием — узнаванием человека, который переживает похожее горе иначе, чем пережил его он сам.

Он никогда не заговаривал с Анатолием Петровичем об этом прямо, но иногда, встречая его во дворе именно в такие вечера, вслух предлагал: «Зайди, Петрович, чайку хоть выпей у

меня, посидишь» — без нажима, приглашением, оставляя выбор за соседом, но давая понять, что кто-то замечает.

Глава третья. Баба Валя и Настя

Валентина Тимофеевна Гринько, которую весь двор называл бабой Вале́й, сорок два года проработала учительницей истории в школе номер три и теперь, в свои семьдесят восемь, доживала свой век во втором подъезде, в квартире, заставленной книгами и черно-белыми фотографиями. В последний год она стала слабеть заметно — уже не спускалась во двор, дышала тяжело, и соседи, не сговариваясь, взяли за привычку заходить проведать: кто хлеба принесёт, кто просто посидеть полчаса.

Настя заходила к ней чаще других. Ей нравилось слушать бабу Вале́ю, которая рассказывала истории так, будто сама при них присутствовала, даже если речь шла о временах трёхсотлетней давности.

— А ты знаешь, что до революции на этом самом месте купец Одинцов держал табачную лавку? — сказала как-то баба Валя, когда Настя забежала после школы с пакетом гречки. — А ещё раньше, если верить моему деду, там стояла казённая застава. Я тебе, конечно, не в точности как по учебнику рассказываю — где-то дед мой мог и приврать для красоты — но суть от этого не меняется.

— А до этого что было?

— До Петра курить у нас было не в чести совсем. Он, когда из Европы вернулся, насмотревшись на голландцев с трубками, взял и разрешил табак — да не просто разрешил, а ещё и права на торговлю им отдал каким-то английским купцам, в обмен на что-то нужное России в той поездке. А уже после него, при других правителях, додумались из этого целую монополию сделать — государственную торговлю, чтобы в казну шло. Ввели, потом отменяли, потом снова вводили. Суть в чём: с тех самых пор что-то, что людей одурманивает, у нас почти всегда продаётся государством или с его ведома, потому что казне это выгодно. Народ слабеет — а казна крепнет. Так по всей нашей истории и шло, при царях, при советской власти с её водочными талонами, и сейчас так же — просто теперь вместо казённой лавки супермаркет через дорогу, а вместо царского указа — обычный расчёт: людям нужно, значит, будем возить и продавать.

— А почему тогда все жалуются, что пьют много, но никто ничего не делает?

Баба Валя закашлялась, надолго, прижимая руку к груди, и Настя подскочила было налить воды, но та махнула рукой — мол, сиди, пройдёт.

— Потому что, деточка, никто тебя силой пить не заставляет, — сказала она, отдышавшись, уже тише. — Государству, по правде, всё равно — будешь ты пить или нет, лично к тебе вопросов не будет. Но весь этот уклад — магазины на каждом углу, реклама, привычка, которую в семье с детства видишь, — всё устроено так, что путь туда всегда короче, чем путь в другую сторону. Никто не сидит в кабинете и не решает специально тебя погубить, просто уклад держит крепче любого прямого приказа. Договорим в другой раз, а то у меня сегодня дыхание совсем короткое.

Через несколько дней Настя забежала снова, уже с другим вопросом, который всё это время крутился у неё в голове.

— Баб Вале́й, а если государству правда так нужны деньги — на дороги там, на больницы, — почему не собрать через благотворительность? Открыто, чтобы люди сами приносили, кто сколько может?

— А ты сама как думаешь? — баба Валя вместо того, чтобы сразу отвечать, поставила чайник и присела напротив.

— Ну, наверное, не соберут столько.

— В точку. Благотворительность — дело добровольное. А вот с привычки, которая сама себя каждый вечер предлагает на каждом углу, соберёшь куда больше и без всяких уговоров.

— Дядь Гриша тоже раньше так торговал, да? Он говорил, что ему стыдно немного за те годы.

— Да. Он один из немногих, кто с этой дорожки сам сошёл. А это, знаешь, реже случается. Обычно ведь человеку проще думать: не я эту систему выстроил, не мне её и менять, пусть барин думает, как быть, — а не барин, так государство. Это ещё с советских времён у людей в голове засело крепко: тогда государство и правда почти всё за человека решало — где работать, что продавать, кому и сколько. Люди привыкли, что раз государство такое большое и всемогущее, то и убирать, и следить за порядком — тоже его забота, а не твоя. А ведь на самом деле общее — оно и есть общее, ничьё в отдельности и одновременно каждого. Им проще жить по старинке: это всё барское, вот пусть барин, то есть государство, и наводит порядок, если ему надо.

Настя вспомнила, как утром шла через двор мимо «Огонька» и обходила раскиданные с ночи стаканчики, не поднимая их, потому что «не я намусорила».

— Так про мусор получается то же самое?

— А как же. Та же логика: моё дело маленькое, за меня всё равно кто-то приберёт. Только вот приберёт какая-нибудь такая же Настя, которую наняли дворником за копейки.

Чайник засвистел, и баба Валя, кряхтя, поднялась его снять, разговор сам собой съехал на что-то домашнее — хватит ли заварки, не забыла ли Настя зайти в аптеку.

Настя молчала, обдумывая всё это ещё долго после того, как ушла домой. Ей было шестнадцать, и полгода назад на дне рождения одноклассницы она попробовала — и пиво, и что-то покрепче, из бутылки, которую кто-то принёс тайком. Ей не понравилось ни то, ни другое — ни вкус, он был мерзким, ни то, что случилось после: голова стала тяжёлой, ноги не слушались, а разговоры вокруг, которые раньше казались интересными, вдруг превратились в бессмысленный гул. Она смотрела на одноклассников, которые хохотали над шутками, повторёнными по три раза, и чувствовала не веселье, а какую-то неловкость за них — и одновременно за себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.